

* * *

Суета – не беда: приноси, разделю,
эта ноша не в тягость.

Прибывает вода, убывает июль,
приближается август.

Не хватает полян – лепестки обрывать,
о любви отвечая.

Отцвели тополя, выцветает трава,
отступают печали.

Каждый здесь – эмигрант, в небе и на земле
бесприютен и светел.

Разбери чемодан, забери меня в плен,
расскажи мне о лете.

* * *

Скоро тут будут строить высотный дом,
вырубят всю сирень и разберут заборы,
кто-то крадёт у нас – тихо, но с каждым днём –
наш деревянный, смешной и неуклюжий город.

Здесь мы ключи теряли, искали клад,
дрались до слёз, дурачились, целовались,
в зарослях цвета бутылочного стекла
прятали тайны, радости и печали.

Свежий сорви подорожник, кефир возьми,
и приходи опять – мало да помаленьку
будем лечить обгоревшие плечи мои
и твои вечно ободранные коленки.

* * *

Из режиссёров
сослали
в зрители,
короче – заняли,
как могли:
ключи
от новой
квартиры
выдали,
вот только счастья
не завезли.

Зима ввалилась,
как гость
непрощеный,
и не выводится,
хоть убей.
кто мог подумать,
что станет
роскошью
принадлежать
самому себе?

САГААЛГАН

Месяц новорождённый тоньше моих ресниц.
Если прийти не можешь, очень прошу – приснись,
будет дорогой млечной весь горизонт объят,
выкормят наши овцы белых как снег ягнят,
ты нам расстелешь ложе, я разожгу очаг,
искры навстречу звёздам, волосы по плечам.
Будут и степь, и горы радоваться, что мы
снова живыми вышли из ледяной зимы.

* * *

В город пришла вода – точит усталый снег,
взламывает асфальт, лёд разгрызает грязный.
Выйти вдвоём навстречу такой весне –
подвиг-не подвиг, но всё же, пожалуй, праздник.

И пусть недолог путь, и до смешного прост –
прямо, направо, вбок – логику отвергая,
где переулок встал, словно хрустальный мост,
между домов высокими берегами.

Там в золотом луче пыли – не сосчитать,
в окна глядят облака цвета твоей рубашки,
и никого пока не приглашает в штат
главный редактор небесной многотиражки.

* * *

Заснеженный город, четверг,
тридцать минус четыре,
холодный туман над рекой, отрицающей лёд.
налево, направо, наверх –
то штрихом, то пунктиром
по контурной карте бесцельный маршрут мой идёт.

Нахмурился юго-восток,
сбились в стаи собаки,
и азбукой Морзе сидят на снегу воробьи,
и флаг обнимает флагшток –
обречённо,
как всякий,
кому отказали в надежде, весне и любви.

* * *

Мастер жив – у него жена и, кажется, дети,
с девяти до пяти в музее – в своём кабинете:
кандидат, замдиректора, видишь ты.
Выходя, он кивает своей секретарше
и уходит прочь – от греха подальше –
от той улицы, где продают цветы.

Нет Пилата, Иешуа, тьмы над Ершалаимом,
только дни, недели и годы проносятся мимо,
дом-работа-дом, не жалея ног.
Да вот тут забежала одна сегодня,
говорят, была невидима и свободна:
сумасшедшая, словом – бог уберёг.

«... и она много плакала, а потом стала злая».
Да, рыдала, не скрою – до злости лишь не дошла я,
ни к чему, темперамент, увы, не тот.
На восьмом этаже, в переулке узком
спит в кровати спокойно критик Латунский,
цел рояль и в порядке евроремонт.

* * *

Наступает день, когда видишь: вот,
где текла вода – молчаливый лёд,
это повторяется каждый год,
только я никак не могу привыкнуть.

А пора бы знать к сорока годам:
как слетит листва с тополей, тогда
зábереги встанут и прирастать
будут еженощно с зимой в обнимку.

Лишь посередине ещё жива
серебристо-студёная синева,
да и той хватает едва-едва
ровно до черты городских окраин.

Ждёт весны, с ондатрами говорит,
от зари окутывает до зари
куржаком деревья и фонари,
и туманом – мост, где звенят трамваи.

* * *

А когда золотое слетает на серое и голубое,
понимаешь, что время настало сдаваться без боя,
и вообще прекратить воевать, для начала – с собою,
бросить город, семью, недоклеенные обои,
и поехать на север

наблюдать по пути, как решается этот ребус,
перед драмой и лирикой нервно бледнеет эпос,
и мелькают берёзы в тайге, будто частый гребень,
дорожает бензин, и становится ближе небо,
когда едешь на север,

подсознательно ждёшь, что тебя вот-вот снегом накроет,
греешь руки в карманах пальто старомодного кроя,
только сердце, увы, не теплеет, такое-сякое.
Тебе нужен покой? Тут, пожалуй, избыток покоя,
и поэтому – север.

* * *

Погляди на него, пожалуйста –
с высоты, но не свысока.
Вот фольга золотая, ржавая –
ну конечно же, это река.
Вот мосты её делят поровну –
их четыре, а может, три.
Вот кусочек гирлянды порванной –
а по-нашему, фонари.

Тут лежит гармошка из фантиков –
это новых домов череда,
вот такая теперь романтика.
Рельсы, шпалы и поезда –
это пара ниток стекляруса,
три струны и погнутый гвоздь.
Телебашня на правом траверзе –
невесомая рыба кость.

Не пытайся играть в небрежность – ты
точно знаешь, что ты любим.
Не от жалости, но от нежности
затаи дыханье над ним –

беззащитным, родным, беспомощным
в ожидании вечном тепла,
в детстве спрятанным мной сокровищем
под «секретиком» из стекла.

* * *

Казнить-нельзя-помиловать,
любить-нельзя-забыть,
зачем прощаться было нам
под небом голубым?

Сквозь будущее прошлое,
десятки февралей,
смотри – весна взъерошила
затылки тополей,
и за углом, на улице,
взяв пять минут займа,
закрыв глаза, целуются
не мы, не мы, не мы.

* * *

Фальшивая весна, мой друг февраль,
не стоит ни надежд, ни слёз, ни песен,
её итог заранее известен:
за оттепелью – ледяной хрусталь.

И чем нежней закатов акварель,
тем холода сильнее сжимают пальцы.
Что впереди – нетрудно догадаться:
усталый март, неласковый апрель.

Осталось выпить пару полных лун
и несколько десятков чашек чая,
дожить до понедельника, до мая
и до тебя, мой золотой июнь.

* * *

Солнце на лето, зима на мороз,
в трубке гудки, абонент вечно занят –
вновь без ответа остался вопрос,
от декабря до июня экзамен.

Вычерпав небо звёздным ковшом,
перебираю в ночи самой длинной,
где нам не встретиться. Выбор большой –
от Лиссабона и до Сахалина.

Вечер окончен, туман у воды,
но уходить не спешу отчего-то:
вдруг ты захочешь меня проводить
от поворота до солнцеворота?

* * *

Привет, привет, мой дорогой,
Дождь нависает над тайгой,
Так вышло – нет тропы другой,
Чем эта – вдоль по краю.

Смотри, смотри – закат продрог,
Сменяет бронзу серебро,
В полях полынь – как дым костров,
В которых прах сгорает.

Целуй, целуй меня смелей
Среди забытых кораблей.
У лиственниц и тополей
Одна и та же осень.

Она выходит танцевать –
Жива, мертва и вновь жива.
И по скале пять тысяч лет
Идут к востоку лоси.

Белоусово – Верхолениск – Качуг